

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Александр Александрович МЕДВЕДЕВ —  
доцент кафедры русской литературы,  
кандидат филологических наук*

### **В ПОИСКАХ РОЗАНОВСКОГО АКРОПОЛЯ...**

*РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Синенко В. С. Идея «Домостроя» в духовной судьбе В. В. Розанова. Уфа: Изд-во «Восточный университет», 2005.*

«Розанов всю жизнь шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры. Подобно некоторым другим русским мыслителям, вроде Чаадаева, Леонтьева, Гершензона, он не мог жить без стен, без «акрополя». Все кругом поддается, все рыхло, мягко и податливо. Но мы хотим жить исторически, в нас заложена неодолимая потребность найти твердый орешек Кремля, Акрополя, все равно, как бы ни называлось это ядро, государством или обществом. Жажда орешка и какой бы то ни было символизирующей этот орешек стены определяет всю судьбу Розанова и окончательно снимает с него обвинение в беспринципности и анархичности». Эти слова Мандельштама можно было бы поставить эпиграфом к книге В. С. Синенко. В них — ключевые интенции восприятия В. В. Розанова исследователем: «Розанов уже назван человеком, построившим ограду русской культуры. Это удалось ему единственному. На широте мысли и неизмеримости горизонтов создается Розановым русский мир» (с. 107).

Книга состоит из двух глав. Во Введении в большом спектре восприятия личности Розанова в критике и литературоведении XX в. поставлена проблема духовной судьбы Розанова в русской литературе XX века.

Розановскую трилогию «опавших листьев» исследователь называет центром, вокруг которого группируются все его создания, центром, подобным «Фаусту» Гете, Девятой симфонии Бетховена, Сикстинской Мадонне Рафаэля, «Легенде о Великом инквизиторе» Достоевского. В главе II «Художественно-философская трилогия В. Розанова как Домострой», носящей концептуальный характер, розановская трилогия описана как новый тип литературы в философском (Л. Шестов, В. В. Зеньковский, Паскаль), литературно-критическом (З. Н. Гиппиус, П. Б. Струве, Н. Елисеев), научном (А. Л. Сгопе, Е. В. Барабанов), художественном (Достоевский, М. Горький, М. Пришвин) контекстах XX века.

В. С. Синенко продолжает мысль Д. Галковского о том, что Розанов создал «Домострой» XX века, то есть разработал религиозно-нравственный кодекс о роли семьи в жизни человека и общества, об отношениях народа и церкви, об отношении к женщине (с. 63). «Домострой» понимается В. С. Синенко не только в узком смысле (авторитарный нравственный кодекс времен Иоанна Грозного), но и в

широком — как форма устройства национальной жизни. Вопреки распространенному мнению о бессистемности взглядов Розанова исследователь считает домострой как форму национальной жизни «центром, стягивающим к себе все мотивы и темы его творчества»: «За внешней хаотичностью повествования угадывается общая идея и сюжетный план. В трилогии Розанова внешняя система создается образом домостроя с тремя планами его развития — Государства, Церкви, Семьи» (с. 56).

«Домострой» воспринимается исследователем как продолжение воспринятой Древней Русью античной этологической традиции (Гесиод, Ксенофонт, Аристипп, М. Аврелий), выдвигавшей проблемы воспитания, нравов, уклада жизни. В понимании «Домостроя» как литературного памятника исследователь опирается на позиции Д. С. Лихачева, Н. К. Гудзия, Д. Андреева, сравнившего труд Сильвестра с творчеством Конфуция. Розановская трилогия «опавших листьев» воспринимается как продолжение этой «мощной полузабытой, полуотвергнутой» этологической традиции: «Уединенное», «Опавшие листья. Короб первый», «Опавшие листья. Короб второй и последний» — как исторически сложившийся тип художественного произведения является по своей природе «Домостроем», произведением философско-дидактической литературы» (с. 61). В § 2 «Домострой» как поэтическая реальность трилогии В. Розанова» домострой как образ и как идея видится важнейшей константой творчества Розанова, моделью трилогии: «Как в «Домострое» XVI века с его тремя частями — «духовное строение» (гл. 11-15), «мирское строение» (гл. 16-29), «домовое строение» (гл. 30-63) — в трилогии Розанова выделяются три темы: Государство, Церковь, Семья. Главной среди них оказывается тема семьи, которая подчиняет себе все: и устройство государства, и устройство церкви» (с. 61). История розановской любви, его бунт против церкви и государственный консерватизм в свете Домостроя предстают в новом свете.

Как известно, появление «Домостроя» в XVI в. было вызвано тем, что «старина поиссаталася»: он давал идеал богоугодной жизни в период, когда жизнь отклонилась от этого идеала. Поэтому неслучайно, что в ситуации крушения традиции «Домострой» оказался близок Розанову, который, тяготея к средневековому сознанию, создает свой «Домострой». Один из вечных русских вопросов о срывах и разрывах в русской истории стал для Розанова особенно мучительным в дни русского «Апокалипсиса». Одна из записей Розанова в «Апокалипсисе нашего времени» так и называется («Домострой»). В ней Розанов восторгается самым словом «домо-строй» и горько жалеет, что «великая, священная» идея Домостроя была забыта в русской культуре, что и привело Россию к «Апокалипсису». И выход из этого исторического тупика Розанов апокалиптически связывал с «домостроем», завершая свое последнее произведение «социологическим советом» юношеству работать над «круглым» домом. Этот совет подобен завершающему «Домострой» благословению прот. Сильвестром сына Анфима. В эссе 1918 г. «С вершины тысячелетней пирамиды» Розанов испытывает симпатию к московскому царствованию, в которое беспочвенные славяне получали в царской власти то, чего им «недоставало в родовом быте: земле-прикрепление, плането-прикрепление», «начало цивилизации, самобытности, оригинальности». В духе «Домостроя» (гл. 2, 4 и 7) Розанов приводит «народное и благодатное народное слово»: «как на Небе — Един Бог, так и на Земле — Един Царь»... И продолжили бы и развили эту мысль, досказав, что, «как на Небе Бог устанавливает *миропорядок*, — так на Земле Царь устанавливает *землепорядки*»; «Како надо ставить правду Божию на земле», «како надо править правду Божию в душе». Розанов сожалел, что Грозный, укрепляя личную власть, разрушал при этом поддерживающие ее сословия: «Безумная борьба с дворянством, борьба наконец со Святыми, с церковью (судьба митрополита Филиппа; судьба Адашева и Сильвестра; судьба князя Курбского), — все это похо-

ронные этапы Руси»; «Порок, грех, судьба. Нужно же было, чтобы Грозный лично так несчастно воспитался».

Важно, что исследователь понимает, что Розанов не полностью следует авторитарно-репрессивному «Домострою», противопоставляя ему словами С. С. Аверинцева мир милосердия, «женственно-богородичный, материнский и бабушкин» (с. 93). В трилогии Розанов, как известно, выразил глубочайшую любовь к своей теще — «бабушке» Рудневой, и жене В. Д. Бутягиной — «другу» и «мамочке».

Концепция В. С. Синенко, изложенная во II главе, основательно «поддерживается» I главой «Этические ориентиры В. В. Розанова и философская мысль рубежа веков», вводной по своему характеру, где подробнейшим образом рассмотрены отношения Розанова к славянофильству (§ 1. В. Розанов и славянофилы. Эволюция оценок), особенно его творческие связи с К. Леонтьевым (§2. В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев. «Поздние фазы славянофильства»), В. Соловьевым, Н. Страховым (§3. Спор В. Розанова с Вл. Соловьевым) в широком философском контексте — от первых славянофилов до А. И. Солженицына и Д. С. Лихачева.

На протяжении всей книги, охватывающей как контекст всего розановского творчества, так и культурный контекст эпохи, автор щедро делится с читателем своими точными наблюдениями, которые могут найти свое продолжение. В частности, особого внимания заслуживают сопоставления Розанова с Чеховым (проблема свободы (с. 8)), Лесковым (проблемы тайнобрачия, русского национального характера (с. 77, 89-90)), с Чаадаевым и Хомяковым (восприятие русской истории (с. 57)).

В Заключении розановский «Апокалипсис» вписан в контекст апокалиптических предчувствий в философии XIX-XX вв. (Леонтьев, Соловьев, Шпенглер, Бердяев, Франк). Книга В. С. Синенко об оптимистическом розановском чутье истории, быть может, сегодня актуальна как никогда: «И помни: жизнь есть дом. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над «круглым домом», и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет гнездо». Книга с фотографией на обложке елецких храмов — «духовной родины» Розанова — важное исследование в поисках розановского Акрополя...